

Над Вычегдой

Весь день перепела летят на юг,
Слышны над Беломорьем крики птичьи.
Вдруг захотел полакомиться дичью
Дневной хозяин комиссар Сердюк.
Перепела над Вычегдой летят.
Вдоль берега расставлены тенёта.
На пойменном лугу садится кто-то
И в дудку бьёт четыре дня подряд.
В лесной избе темно горит свеча.
Из пьяных трав зырянин варит зелье.
В деревне, изнывая от безделья,
Сидит Сердюк под бюстом Ильича.
Откуда-то доносятся слова:
"Беги, беги, Меланья". Ночь у входа.
В холодных реках беспокойны воды.
У плёсов зацветает сон-трава.
Звезды не видно в небе ни одной.
"Беги, беги, Меланья", – кто-то шепчет.

Румяна, пудра, кольца, римский жемчуг,
Цветные ленты, гребень костяной.
"Не дергай клювом, крастель. Не бойсь",—
В сетях премудрых перепел застрянет,
Напоит сон-травой его зырянин
И выпустит, и взмоет птица ввысь.
Ещё дневной хозяин за столом,
И крастель возвышается на блюде.
По комнатам ещё толпятся люди,
Пришедшие сопеть и бить челом.
Над крастелем Сердюк заносит нож.
Хозяин ночи корчится в камланы.
Его огонь на солнце не похож.
В ночную тьму беги, беги, Меланья.

Хэй, Быко!

Как странно, я вижу тебя в этом мерзком пейзаже.
Хэй, Быко!
По мрачной и чахлой пустыне куда ты бредёшь, горемыко?
Ты ездил по Минску, я помню прекрасно, в своём экипаже,
И даже
Менял иногда за неделю двенадцать голландских рубашек,
И пил шоколад из фарфоровых маленьких чашек.
Теперь ты стремишься дойти, добрести до арыка.
Хэй, Быко!
И шепчешь: «За что наказал ты меня, Всемогущий Владыко?»

Ты, будучи в Мюнхене, даже общался с Кандинским,
Твой дом был, наверное, самым изысканным в Минске,
И дома
Любил собирать ты друзей и хороших знакомых,
Весь Минск обсуждал временами твои вечеринки.

Теперь ты бредёшь, отгоняя хвостом насекомых,
И в почве иссушенной жалкие ищешь травинки.
Растаяла в прошлом прозрачная речка Немига,
Закончилась прежняя жизнь твоя, будто захлопнулась книга.
На клумбе петунии, на грядке в саду земляника.

Хэй, Быко!

Исчезла в тумане супруга твоя Вероника...

Закончилась жизнь твоя прежняя, да, но она всё равно не забыта,
Ты еле бредёшь, но стучат о засохшую землю копыта.

И вот ты мычишь, и трясётся земля от истошного дикого крика.

Хэй, Быко!

Хэй, Быко!

Хэй, Быко!

Манна

Осколок зеркала накрыт газетой "Правда"

В соседней комнате. А я пока жива.

И штукатурка продолжает падать,

Как падала и год назад, и два.

Здесь очень тихо. С неба сыплет манна,

Как снег. Она белая и чуть горькая.

Не сразу, по кусочку, беспрестанно,

За часом час слетает с потолка.

В остывшем доме манна вместо хлеба.

Зима. Закрыты шторы. Я одна.

Мне дрожь унять, к тебе прижаться мне бы.

На зеркале газета. Тишина.

Пунцовый филин

Ночная дача. Тярлево. Мясковский.

Приёмник Селга. Летняя гроза.

Далёких революций отголоски.

Симфонии совиные глаза.

Резвятся Са іга и Карманьола,

Стекает в Сену кровь мадам Вето.

Секунда тишины, и скрипка соло

Тихонько плачет: "Pourquoi? За что?"

Ван Херк, пунцовый филин, над Брабантом

Кружит, кружит четвертый век подряд.

Звучат виолончель и барабан там –

Они о чём-то страшном говорят.

Кипит Нева, широкая, как Схелде,

И вряд ли повторится всё, как встарь.

Хабалов плачет в трубку – не сумел-де,
"Всё рушится. Измена, Государь".
О, город мой – оцветье амаранта.
Солдаты, бабы, флаги, карнавал.
Великий князь выходит с красным бантом.
"Неужто мы погибли, генерал?"
Сменяет Карманьолу Dies irae.
Пунцовый филин завершает круг.
А трубы громче. Скоро в этом мире
Всё заглушит тяжелый трубный звук.
Под песню Хорста Весселя в Берлине
Проводят физкультурники парад.
Там Гитлер принимает Муссолини.
А впереди Дюнкерк и Сталинград.
Горят крыши. Города в руинах.
Вздыхает тихо ми-бемоль минор.
Неслышно входят БУКи в Украину.
Всё кончено. Звучит финальный хор:
"Что мы видели?"

Диву дивную,
Диву дивную
Телу мёртвую.
Как душа-то с телом
Расставалася,
Расставалася
Да прощалася.
Как тебе-то, душа,
На суд Божий идти,
А тебе-то, тело,
Во сыру мать землю".

Космическое недоразумение

And I think my spaceship knows which way to go
Tell my wife I love her very much
She knows

Дэвид Боуи "Space Oddity"

Центр полётов давно опустел,
инженеры ушли, кто куда сумел,

в основном, защищать помидоры
от налётчиков и мародёров.

В каждом городе и в каждом селе война,
и не помнит никто майора Фомина.
Он среди неизвестных небесных тел,
там, куда с детства попасть хотел,
где доселе бывать не пришлось никому,
где кометы хвостом задевают корму,
где Вселенная бесконечно странна,
где природа вокруг абсолютно черна,
и который год тишина
в наушниках майора Фомина.

А в городе Энске его жена,
как обычно, ночью без сна.
Ни картошки на кухне, ни чулок, ни пальто.
Для чёрной Вселенной она – никто,
никому не видна, никому не нужна,
курит, стоит на балконе одна,
а внизу под ней большая страна,
забывшая майора Фомина.